

✓
Алексей БАТАЛОВ:

ЗА ОДЕРЖИМОГО И СОВЕРШЕННО ЗЕМНОГО ГЕРОЯ

Корреспондент «Литературной России» Эльга Лындина беседовала недавно с заслуженным артистом РСФСР Алексеем Баталовым.

Ниже публикуется запись этой беседы.

А ДВЕРИ табличка — «Кукла наследника Тутти». Режиссер — А. Баталов.

Но я должна говорить с актером Алексеем Баталовым. О чистоте и правде Саши Румянцева. О непримиримости Устименко. Об одержимости Гусева. О ролях, сыгранных Баталовым, о людях, которые живут рядом, — простых, строгих людях. В них сочетаются сердечность и интеллект, обаяние личности и темперамент ума. Это люди, рожденные нашим, новым временем и потому особенно нужные нам.

Трудно, просто невозможно представить себе кинематограф последнего десятилетия без «Дела Румянцева», «Журавлей», «Девяти дней одного года». И фильмы эти — без Алексея Баталова, принесшего в современное искусство свою требовательную человечность, редкостную достоверность и слитность с сегодняшним днем.

А говорить приходится с режиссером, который ставит сказку. Прелестную, лучезарную сказку Юрия Олеши «Три толстяка» (фильм будет называться «Кукла наследника Тутти»). С режиссером, который страстно увлечен и поглощен своей работой.

Алексей Владимирович показывает на длинный-длинный лист бумаги, похожий на египетский папирус.

— Здесь все сорок девять эпизодов будущего фильма. Пока, конечно, на бумаге. Сегодня наш сценарий запускается в режиссерскую разработку. Хочется решить режиссерский вариант максимально приближенно к реальному, съемочному. Мы стараемся параллельно с режиссерской разработкой готовить эскизы, искать актеров. Пожалуй, самое важное сейчас — найти натуру. Снег ведь сразу изменит облик городов, а нам нужен особенный город — островерхий, башенный, с черепичными крышами...

— И с трехрукими фонарями?..

— И с трехрукими фонарями...

— Алексей Владимирович, почему все-таки «Три толстяка»? Почему сказка? Это не традиционный журналистский вопрос. Я помню ваш режиссерский дебют — «Шиннель». Трагичную, безысходную, очень по-своему прочитанную, скорее в ключе Достоевского, с его состраданием, с его скорбью о судьбе «маленького человека».

— А я мечтал о «Толстяках» прежде, чем о «Шинели». Это история едва ли не десятилетней давности, и началась она еще при жизни Юрия Карловича Олеши. Я работал тогда в Художественном театре, и у нас, молодых актеров, родилась мысль поставить «Три толстяка». Случилось так, что я ушел из театра, и постановку эту мои товарищи осуществили без меня.

И все-таки я не мог расстаться с «Тремя толстяками». Перечитывал, пересматривал все, что только к ним относилось. И чем больше я узнавал эту вещь, тем чаще думал, что «Три толстяка» — это скорее кино, чем сцена.

Масштаб, «воздух» книги требуют кинематографических средств. Она вырывается за рамки сцены. Наверно, года четыре тому назад и начался путь к картине.

А еще через два года я вместе с М. Ольшевским стал писать сценарий. Неоценимую помощь нам оказали Ольга Густавовна Суок и Виктор Борисович Шкловский. Они предоставили в наше распоряжение огромный материал — две пьесы, созданные при жизни Олеши, два сценария, книгу во всех ее русских и иностранных изданиях, рисунки, наброски, черновики. А главное, Ольга Густавовна и Виктор Борисович открыли нам многое из того, что может хранить память только самых близких людей.

— Вам приходилось дописывать какие-нибудь ситуации?

«Литературная Россия» 1964, 4 декабря
г. Москва